

Библиотека криминалиста

Научный журнал

ISSN 2224-0543

№ 5(34) 2017

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (РОСКОМНАДЗОР)
Регистрационное свидетельство: ПИ № С77-45685 от 7 июля 2011 г.

Журнал включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Периодичность
выхода журнала –
6 номеров в год.

Учредитель –
ООО Издательство
«Юрлитинформ»

Редакционный
совет

Дубровин В.Н. –
председатель
(г. Москва)

Волеводз А.Г. –
доктор юридических наук
(г. Москва)

Воскобитова Л.А. –
доктор юридических наук,
профессор
(г. Москва)

Захарцев С.И. –
доктор юридических наук,
доцент
(г. Москва)

Комиссаров В.И. –
доктор юридических наук,
профессор
(г. Москва)

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПЕРСОНАЛИИ. ПАМЯТИ Р.С. БЕЛКИНА

- Россинская Е. Р.*
К 95-летию со дня рождения Р.С. Белкина –
ученого и педагога 10
- Антонов О. Ю.*
Криминалистическая характеристика преступлений
и механизм преступлений: творческое наследие
Р.С. Белкина и современное представление 23
- Баев О. Я.*
Несколько не протокольных
воспоминаний о Р.С. Белкине 36
- Виницкий Л. В.*
Роль Р.С. Белкина в становлении
и развитии криминалистики в Казахстане 39
- Волчецкая Т. С.*
Роль профессора Р.С. Белкина
в формировании ситуационного подхода
в криминалистической науке 46
- Волынский А. Ф.*
Мировоззрение как доминанта научного подвига
Рафаила Самуиловича Белкина 53
- Грибунов О. П.*
Ситуационный подход и его влияние
на организацию и тактику расследования
преступлений против собственности, совершаемых
на железнодорожном и воздушном транспорте 64
- Ищенко Е. П.*
От истоков криминалистики
к суперпроблеме дня сегодняшнего 74
- Кручинина Н. В.*
Труды профессора Р.С. Белкина как основа
для развития учения о криминалистически
значимой информации 83

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ И МЕХАНИЗМ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ Р.С. БЕЛКИНА И СОВРЕМЕННОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

В статье проведен сравнительный анализ использования в науке криминалистике понятий «механизм преступления (преступной деятельности)» и «криминалистическая характеристика преступлений» с учетом мнения профессора Р.С. Белкина. Предложено вместо термина «криминалистическая характеристика преступлений» использовать категорию «типичный механизм преступлений определенного (отдельного) вида», включающую «типичный механизм определенного (отдельного) вида преступной деятельности». Обоснована необходимость изучения данной категории системно на четырех уровнях его разработки. В структуре типичного механизма преступлений выделены однородные, трансформируемые, объединенные, взаимосвязанные или вновь возникающие преступления, выявление которых является дополнительной задачей расследования большинства умышленных преступлений.

Ключевые слова: механизм преступления; криминалистическая характеристика преступлений; профессор Р.С. Белкин.

Среди богатого криминалистического научного наследия профессора Рафаила Самуиловича Белкина можно выделить подробный анализ криминалистических дефиниций «криминалистическая характеристика преступлений» [12, с. 306–319] и «механизм преступления» [11, с. 116–118]. Относительно первой он заявил, что криминалистическая характеристика преступлений как научная категория не оправдала возлагаемых на нее надежд и превратилась в криминалистический фантом [10, с. 274–275 ; 13, с. 3–10]. Тем не менее она и сейчас используется большинством ученых-криминалистов, хотя дискуссия о сущности и значении криминалистической характеристики преступлений продолжается до настоящего времени.

Часть научных публикаций посвящена ее содержанию, структуре и значению,

в том числе в ретроспективе и с учетом мнения профессора Р.С. Белкина [20 ; 22 ; 28 ; 41]. Некоторые взгляды последнего, убежденного, что криминалистическая характеристика преступлений представляет собой абстрактное научное понятие [12, с. 317], подвергаются необоснованной критике. Оппоненты пытаются мотивировать ее практическим значением для расследования, в том числе для выдвижения следственных версий [42, с. 116]. Однако именно об этом и писал Рафаил Самуилович [12, с. 316].

Аналогично, не соглашаясь с мнением профессора Р.С. Белкина о криминалистическом фантоме, но разделяя его позицию о необходимости разработки корреляционных связей и зависимостей между элементами криминалистической характеристики на основе баз данных, отражающих закономерные взаимосвязи признаков определенного вида преступле-

ний [8, с. 144, 146], отдельные исследователи фактически повторяют его слова.

Наибольший научный интерес, на наш взгляд, представляют публикации, посвященные соотношению криминалистической характеристики преступлений с иными сходными понятиями, например, с «механизмом преступления» [14 ; 29 ; 45], «информационной моделью преступления» [40] или с взаимосвязанными категориями (предметом доказываниями, версиями и др.) [53], а также работы, предлагающие конкретные направления использования криминалистической характеристики преступлений в расследовании [16 ; 24].

Практический потенциал использования данных криминалистической характеристики преступлений реализуют создаваемые на основе изучения массива уголовных дел информационные системы, например компьютерная программа формирования версий «ФОРВЕР» [48 ; 49]. В то же время некоторые авторы строят свои исследования, в основном, на мнениях ученых-криминалистов, высказанных еще в прошлом веке, без учета современных взглядов на указанные криминалистические категории [45 ; 55].

Для определения содержания и значения криминалистической характеристики преступлений прежде всего следует рассмотреть ее структуру. Большинство ученых-криминалистов используется традиционная структура описываемой категории, включающая способ совершения и орудия преступления, типичные материальные следы, характеристику личности преступника, вероятные мотивы и цели преступления, свойства личности вероятной жертвы преступления, обстоятельства преступления (место, время, обстановка). В то же время простое копирование традиционного структурного состава криминалистической характеристики на определенный вид преступлений иногда приводит к гносеологическим ошибкам, таким как использование понятия «способ совершения преступле-

ний» при описании криминалистической характеристики неосторожных преступлений (несмотря на согласие с мнением ученых о том, что в криминалистической характеристике дорожно-транспортных преступлений ведущим элементом является механизм преступления, а не способ его совершения [54]). Традиционное понятие «механизм преступления» включает в себя тот же способ совершения преступления, поэтому представляется более оптимальным использовать категории типа «механизм ДТП», «механизм возникновения и развития пожара» и т.п., рассматривающие техногенную сторону события преступления и не учитывающие уголовно-правовое значение преступного умысла. В связи с этим представляется не вполне корректным включать в структуру криминалистической характеристики преступлений обе указанные криминалистические категории: и способ, и механизм деяния [8, с. 145] или преступления [53, с. 80].

Более уместной представляется позиция В.Я. Колдина [19, с.70], поддержанная Е.П. Ищенко и О.А. Крестовниковым, полагающего, что в структуре расследуемого события необходимо различать подсистемы его механизма и деятельности его субъектов, поскольку первая развивается по законам физической причинности, а вторая – по программе сознательной психофизиологической деятельности человека. Удельный вес каждой из этих подсистем и характер их взаимодействия существенно различаются при расследовании (вернее – совершении) умышленных и неосторожных преступлений, антропогенных и техногенных катастроф, транспортных происшествий и иных уголовно наказуемых деяний [25, с. 1165]. Взаимодействие указанных подсистем на пяти стадиях развития дорожно-транспортного происшествия подробно расписаны С.В. Дубровиным. В частности, на четвертой стадии ответного реагирования системы дорожного движения на опасность им различаются два варианта развития опасного ди-

взрывного механизма (фазы развития аварийной обстановки). В первой фазе водитель транспортного средства сохраняет определенную возможность управлять происходящим событием. В фазе аварийной обстановки с неуправляемой динамикой водитель или другой участник дорожного движения полностью лишается возможности управлять происходящим событием [21, с. 48–51]. Естественно, что возникновение этой фазы может быть обусловлено предшествующими действиями водителя, нарушающими правила дорожного движения, либо являться следствием какой-либо технической причины.

Придерживаясь данной точки зрения, можно считать еще одной гносеологической ошибкой использование понятия «механизм совершения преступления» [44, с. 161] вместо категории «механизм преступления», поскольку дефиниция «совершение», по нашему мнению, применима только к деятельности человека и не может включать в себя действие факторов объективной действительности или техногенного характера, даже в случае ее понимания в качестве «последовательной, технологической стороны преступного деяния» [56, с. 35]. Например, по неосторожным преступлениям после окончания конкретных действий (либо при бездействии) лица через определенное время может произойти какое-либо техногенное событие, негативные последствия которого могут подпадать под действие уголовного закона.

К числу третьей группы гносеологических ошибок следует отнести использование категории «криминалистическая характеристика» по отношению к личности преступника [1 ; 7 ; 30 ; 43], типичные свойства которой являются элементом криминалистической характеристики преступлений. Более того, неверное использование указанной дефиниции иногда осуществляется на уровне исследования типичных свойств личности не преступника, а лишь лица, подозреваемого в совершении преступления [27]!?

Рассмотренная дискуссия наглядно демонстрирует необходимость проработки соотношения криминалистических категорий «криминалистическая характеристика преступлений» и «механизм преступления».

Анализируя такую группу преступлений, как преступные нарушения требований пожарной безопасности, С.И. Коновалов и Ю.А. Бондаренко пришли к выводу о том, что механизм преступления и криминалистическая характеристика преступления тождественны по своему содержанию. При этом первое понятие используется в качестве элемента теоретических и методологических основ криминалистики, а второе – как теоретическая модель определенного вида преступления в криминалистической методике расследования [29, с. 214].

Некоторые авторы, объединяя рассматриваемые криминалистические категории, используют только одно из них: «криминалистическая характеристика механизма преступления» [52], «механизм преступления» (или его типичная модель) [34 ; 36] или «механизм преступной деятельности» [37] («типовой механизм совершений преступлений определенного вида») [9, с. 359]. Анализируя точки зрения Г.К. Захарова и С.Н. Чурилова о рассматриваемых категориях, А.Г. Филиппов пришел к выводу о том, что типовая криминалистическая характеристика и типовой механизм совершения преступления – это практически одно и то же [50, с. 53]. В качестве исключения можно выделить позицию А.М. Кустова, А.В. Самойлова, полагающих, что механизм преступления можно считать одним из элементов криминалистической характеристики преступлений [33, с. 108 ; 45, с. 30]. При этом последний полагает, что главное различие рассматриваемых понятий заключается в статичности криминалистической характеристики преступлений по сравнению с механизмом преступлений; характеристика не показывает четко релевантные связи между

своими элементами [45, с. 31]. Представляется, что отсутствие таких связей может быть недостатком разработанной криминалистической характеристики определенного вида преступлений, поскольку еще профессор Р.С. Белкин писал, что она имеет практическое значение лишь в тех случаях, когда установлены корреляционные связи и зависимости между ее элементами [12, с. 316].

Н.П. Яблоков также включает в состав криминалистической характеристики механизм совершения преступления, понимая под ним технологическую сторону преступного деяния, отличную от способа совершения преступления, исключая из своего обихода традиционное понимание механизма преступления, подменяя его закономерности, входящие в предмет науки криминалистики (в интерпретации Р.С. Белкина), закономерностями преступного поведения и преступной деятельности [56, с. 35 ; 17]. Сопоставление данных категорий достаточно подробно проанализировано А.М. Кустовым [35, с. 73] и выходит за рамки настоящей работы.

Чтобы разобраться в указанном разнообразии мнений о категориях «криминалистическая характеристика преступлений» и «механизм преступления», можно воспользоваться подходом В.В. Седнева, проанализировавшего современное состояние использования в криминалистике метода моделирования. В третьем типе моделей в криминалистике – комплексном – автор выделил два подтипа: модели-описания и модели гносеологические. Первый подтип он относит к более общему, описывающему некое обобщение, в том числе криминалистическую характеристику преступлений, в качестве метода научного познания. Второй подтип – к конкретному уровню познания, к методике исследования уникального и индивидуального путем эвристического мысленного моделирования [46]. Аналогичное мнение о сущности и значении криминалистической характеристики преступлений либо заменяющих ее ме-

ханизмов (информационных или криминалистических моделей) преступлений (преступной деятельности) высказывает большинство ученых-криминалистов. Так, в 4-м издании учебника по криминалистике, посвященном светлой памяти Рафаила Самуиловича Белкина, криминалистическая характеристика представляется как информационная модель типичного преступления конкретного вида или рода и играет роль своеобразной матрицы: «накладывается» на конкретный случай и позволяет построить его вероятностную модель [31, с. 670–671] и фактически познать механизм конкретного преступления. Аналогично А.А. Бессонов, ссылаясь на мнение Р.С. Белкина о следственной практике как источнике методических рекомендаций и критерии их истинности [12, с. 349], полагает, что криминалистическая характеристика позволяет познать и раскрыть криминалистическую сущность преступлений и может использоваться также для практического познания конкретного преступления в процессе его раскрытия и расследования [17, с. 161]. Он считает, что для криминалистической характеристики преступлений криминалистически значимыми будут закономерно повторяющиеся признаки, характеризующие механизм преступления [14, с. 53].

Позиция большинства ученых-криминалистов созвучна мнению С.Н. Чурилова, полагающего, что понятия «криминалистическая характеристика преступлений» и «механизм преступления» разнопланового характера, не совпадают, хотя и связаны между собой: понятие «механизм преступления» отражает преступление на уровне единичного явления, а понятие «криминалистическая характеристика» (по Чурилову С.Н. – «криминалистическая характеристика механизма преступления») относится к массе сходных преступлений [52, с. 280]. Аналогичное мнение высказывает Бусел С.А., полагающий, что криминалистическая характеристика преступления есть не что иное, как

описание или сведения о закономерностях механизма преступления [18, с. 76].

К рассмотрению понятия «механизм преступления» можно подойти как с позиции его структуры, так и с позиции деятельности (системно-деятельностного подхода) в криминалистической науке.

В первом случае, в традиционном понимании, он состоит из взаимосвязанных элементов, от которых зависит наступление конкретного преступного результата, включая не только субъект преступления и способ совершения преступления, но и действия потерпевшего и других лиц, оказавшихся на месте преступления. Обобщить и типизировать последние и, соответственно, включить в криминалистическую характеристику преступлений достаточно сложно. Фактически действия потерпевшего и свидетелей, например, задержавших преступника на месте совершения преступления, характеризуют соответствующую исходную следственную ситуацию, а не сам вид преступлений. Такой элемент механизма преступления, как преступный результат, также сложно интегрировать (но не типизировать) в криминалистическую характеристику преступлений, хотя именно от него зависит возникновение соответствующей следовой информации.

Во-втором случае, развивая позицию М.К. Каминского, Р.С. Белкина [11, с. 116] и других ученых-криминалистов, А.М. Кустов полагает, что стержнем механизма преступления является преступная деятельность, которая понимается им как совокупность взаимосвязанных последовательных, осмысленных действий и движений лица (лиц), сопряженных с использованием в противоправных целях соответствующих орудий и средств, направленных на реализацию нередко низменных, извращенных потребностей. При этом он выделяет две разновидности преступной деятельности: совокупность (комплекс) последовательных действий, объединенных общим замыслом в рамках от-

дельного преступления; процесс последовательной смены действий (в рамках механизмов отдельных преступлений), составляющих несколько преступлений, объединенных единым преступным замыслом. В итоге автор отходит от традиционной структуры механизма преступления, трансформируя способ его совершения в деятельность (реже – отдельные действия и движения) субъекта преступного события [32, с. 32–34, 39].

В отличие от А.М. Кустова, А.Ф. Лубин использует традиционное понятие «способ преступления», соотнося его с категорией «преступная деятельность» как процесс и средство его осуществления. Вместо термина «способ совершения преступления» применительно к сфере экономики он выделяет четыре фазы (стадии) преступной деятельности. Описывая типовые способы совершения действий на каждой стадии, он выделяет системные функции преступной деятельности: развитие, защита (противодействие расследованию) и отображение (следовых картин в среде функционирования). При этом полагает, что уровень развития преступной деятельности прямо пропорционален степени освоения способов выполнения действий [38, с. 16–18].

Сходное содержание имеет предложенная М.К. Каминским категория «криминалистическая модель преступной деятельности» [26], которая, в отличие от криминалистической характеристики преступлений, используется не только как статическая система взаимосвязанных типичных криминалистических признаков, но и как динамическая система и метод их познания при изучении конкретного преступления. Фактически данный подход применяется и в криминалистической категории «механизм преступления».

Если ранее при сравнении структуры криминалистической модели преступной деятельности и механизма преступления нами выделялись существенные отличия [3], то в настоящее время, с учетом модернизации А.М. Кустовым своих

взглядов (замены дефиниции «способ совершения преступления» на преступную деятельность, с включением в нее связанных с реализацией преступных замыслов особенностей поведения субъекта до и после совершения преступлений), они практически нивелировались. Только использование в первом случае четырех фаз преступной деятельности, на наш взгляд, является более предпочтительным, конкретизируя динамику возникновения и развития преступной деятельности. Однако поскольку в криминалистической модели изучается только преступная деятельность, без учета деятельности потерпевшего и других участников преступления, а также не учитывается влияние отдельных элементов обстановки преступления на его совершение и наступление его последствий, то позиция А.М. Кустова представляется более стройной с точки зрения целостной структуры механизма преступления. Более того, его подход позволяет использовать традиционное понятие механизма преступления, не трансформируя его в механизм преступной деятельности, которая является одним из четырех его составляющих [35, с. 73].

По сути аналогичного мнения о необходимости изучения преступной деятельности в динамике придерживаются Е.П. Ищенко и В.П. Образцов, полагающие, что концепция типовой криминалистической характеристики преступлений предполагает отражение в ней данных о пред- и посткриминальных событиях, связанных с преступлениями данной категории, а также о пространственных и временных параметрах обстоятельств криминального, пред- и посткриминального характера [23, с. 41]. С данным мнением был солидарен и Р.С. Белкин [11, с. 118].

Объективность данной позиции можно проследить на примере методики расследования побегов из мест лишения свободы, предложенной А.С. Ямашкиным. Он полагает, что установлению и проверке мотивов совершения побега способствует выяснение в ходе расследования

внутреннего состояния осужденного, предшествующего его совершению (например, ситуации фрустрации, прессинга и т.д.). С учетом ддящегося характера преступления он включает в структуру способа совершения и обстановки побега из мест лишения свободы действия после совершения побега, пространственную и временную характеристику этих действий в целях розыска сбежавшего осужденного [57, с. 10–11, 16].

С учетом изложенного представляется целесообразным при изучении преступлений отдельных видов трансформировать предлагаемую А.Ф. Лубиным и М.К. Каминским четвертую фазу – воспроизводство преступной деятельности в целях криминалистического исследования ддящихся видов преступлений.

Возвращаясь к точке зрения А.М. Кустова в части использования второй разновидности преступной деятельности путем совершения нескольких преступлений, объединенных единым преступным замыслом, то ее также придерживаются: Сергеев А.Б., предлагающий рассматривать криминалистическую характеристику преступлений (на примере рейдерства) на двух уровнях: этапов преступной деятельности и способов ее осуществления [47, с. 49] (на каждом этапе – добавлено нами), А.Ф. Лубин, полагающий, что любое умышленное преступление всегда совершается не одним способом, а целой системой способов [37, с. 175], и другие авторы, взгляды которых поддержаны В.Ф. Лубиным и В.В. Губанищевым [39, с. 83].

Более того, проведенное нами исследование преступлений, связанных с подготовкой и проведением выборов, показало справедливость позиции Шабанова В.Б. и Ермолович В.Ф., предлагающих в криминалистическую характеристику отдельных видов (групп) преступлений включать элементы, содержащие сведения (данные) о связи характеризованного преступления с другими, с административными правонарушени-

ями, а также нарушениями финансовой, технологической, трудовой и иной дисциплины [53, с. 80]. Так, электоральная преступная деятельность подпадает под действия нескольких норм уголовного законодательства, имеет сходные фазы, выполняемые одной категорией субъектов в специфических условиях проведения избирательной кампании, и может включать в себя административные правонарушения, нарушения законодательства о выборах и иные, в том числе не противоправные, деяния, объединенные общей целью – избрание (поражение) конкретного кандидата [6].

В связи с этим представляется оптимальным использование системно-деятельностного подхода, изучающего единичные преступления в качестве составного элемента преступной деятельности, направленной на достижение более глобального преступного результата. Так, А.М. Кустов обоснованно полагает, что по ряду преступлений имеет место относительно длительный во времени процесс последовательной смены действий, объединенных общим замыслом, – преступная деятельность [35, с. 74]. В этих целях можно учитывать используемый Шабановым В.Б. и Ермоловичем В.Ф. подход к построению криминалистических структур отдельных видов преступлений [53, с. 81], однако именно в рамках изучения преступной деятельности, носящей многоэтапный и многоуровневый (многоэпизодный) характер.

Кроме того, при построении таких структур предлагаем учитывать еще три момента. Во-первых, место определенного преступления в преступной деятельности лица. Например, проведенное нами исследование показало, что изготовление и распространение в информационно-телекоммуникационных сетях порнографических материалов может быть, как способом совершения преступлений против общественной нравственности, так и способом подготовки преступлений против половой неприкосновенности

и половой свободы личности, а также сопряжено с нарушением неприкосновенности частной жизни [4, с. 78].

Во-вторых, в ходе осуществления отдельных видов преступной деятельности лицом могут параллельно осуществляться различные действия на различных этапах преступного воздействия на несколько потенциальных жертв. Например, в ходе исследования «порно-сексуальной» преступной деятельности, совершаемой с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, нами установлено, что ее воспроизводство связано не столько с размещением субъектом преступления на своей странице в социальной сети нового порнографического материала, скачанного с другого интернет-ресурса, как с его воздействием на новую жертву путем общения в социальных сетях. При этом, поскольку такое воздействие не всегда или не сразу приводит к достижению нужного преступнику результата, выбор новой жертвы и воздействие на нее обычно осуществляется параллельно первоначальной. Всего выявлено около 20 типичных действий субъекта преступной деятельности, которые могут выполняться с нескольких страниц социальных сетей, и возможные варианты их основной и дополнительной квалификации по семи различным статьям УК РФ [2].

В-третьих, определенное преступление может повлечь возникновение новой преступной деятельности иного лица. Так, ранее нами было установлено, что фактически экстремистская деятельность, которая достигает своей основной цели – воздействие на лиц с целью возбуждения ненависти или вражды, – может состоять из двух и более этапов, как цепная реакция [5, с. 198]. Иными словами, следует определять место каждого типа преступной деятельности в типичном механизме определенного вида преступной деятельности.

Таким образом, анализ имеющихся точек зрения на сущность, содержание и значение категорий «криминалисти-

ческая характеристика преступлений» и «механизм преступления» в ретроспективе взглядов профессора Р.С. Белкина позволил сделать следующие выводы.

1. Используя подход Седнева В.В., криминалистическое изучение преступления необходимо осуществлять с точки зрения термина «механизм преступления», представляющего собой модель-описание конкретного преступления. Изучение механизмов нескольких преступлений одного вида позволяет выявить их типичные признаки и корреляционные связи, то есть составить криминалистическую характеристику преступлений (или типовой механизм преступной деятельности), являющуюся моделью-описанием вида преступлений. Использование категории «механизм преступлений» в качестве гносеологической модели в целях раскрытия нового преступления невозможно без выявления его типичных признаков, характеризующих как отдельные элементы, так и их корреляционные связи и соответствует конкретному уровню познания как способу исследования уникального и индивидуального путем эвристического мысленного моделирования.

В таком случае значение категории «криминалистическая характеристика преступлений» фактически дублирует «типовой механизм преступлений».

Вспоминая мнение профессора Р.С. Белкина о том, что термин «криминалистическая характеристика» должен употребляться только в том смысле, в каком он соответствует определяемому этим термином понятию, и нельзя употреблять выражения типа «криминалистическая характеристика следственной ситуации» [12, с. 319], можно признать несостоятельной используемую С.Н. Чуриловым категорию «криминалистическая характеристика механизма преступлений». Продолжая эту мысль с учетом изучения преступления именно с помощью дефиниции «механизм преступления» и возможности построения

его типового модели, мы сталкиваемся с проблемой необходимости использования с точки зрения языка криминалистики двух понятий, с помощью которых изучаются и раскрываются преступления. Его замена понятиями «информационная модель» (Е.П. Ищенко, В.Я. Колдин) или «криминалистическая модель» (по М.К. Каминскому), на наш взгляд, не вполне верно, поскольку задачей эвристического мысленного моделирования является построение не модели конкретного преступления, а его механизма – то есть установление объективной истины.

Можно продолжать использовать термин «криминалистическая характеристика преступлений» как систему типичных криминалистически значимых признаков преступлений, однако типизирование элементов в рамках категории «механизм преступления», как динамической системы, на наш взгляд, позволяет выявить их корреляционные связи в динамике развития преступной деятельности и устранить недостаток в разработке криминалистических характеристик преступлений, отмеченный еще Р.С. Белкиным.

Укоренение в криминалистической науке термина «криминалистическая характеристика преступлений» может привести к гипертрофированию ее сущности и значения. Так, по мнению А.А. Бессонова, криминалистическая характеристика преступлений как система информации о криминалистически значимых признаках (без указания на их типичность – добавлено нами) преступлений, находящихся в закономерной взаимосвязи между собой, позволяет адекватно, *полно и объективно отражать природу преступлений как явления объективной действительности* [15, с. 4] (курсив О.А.). Что же тогда остается понятию «механизм преступления», кроме его динамического характера?

В связи с этим, предлагается вместо термина «криминалистическая характеристика преступлений» использовать категории «типичный механизм преступле-

ний определенного (отдельного) вида» и входящий в него «типичный механизм определенного (отдельного) вида преступной деятельности».

2. Развивая подход М.К. Каминского, механизм преступления необходимо рассматривать системно на четырех уровнях его разработки:

1) при изучении его элементного состава и корреляционных связей и зависимостей;

2) при исследовании его функционирования и развития (фазовый анализ);

3) при определении его места (уровня) в структуре преступной деятельности, направленной на достижение единого результата либо находящейся на конкретной стадии ее воспроизводства;

4) при исследовании информационных процессов взаимодействия преступной деятельности, действий жертвы и других участников преступления, технологического механизма, а также возникающих при этом следов и их криминалистического значения.

3. На первом уровне в качестве структуры механизма преступления оптимально использовать позицию А.М. Кустова: а) деятельность (реже – отдельные действия и движения) субъекта преступного события (преступника, преступной группы, группы лиц по предварительному сговору, организованной группы, преступного сообщества с учетом свойств, навыков и умений их членов); б) комплекс (совокупность) действий, поступков и иных движений жертвы преступления (с учетом ее свойств и признаков); в) комплекс (совокупность) действий, поступков и иных движений лиц, оказавшихся косвенно связанными с преступным событием; г) отдельные элементы обстановки, используемые участниками преступного события, и предмет преступного посягательства [35, с. 76]. Поддерживая мнения В.Я. Колдина, Е.П. Ищенко и О.А. Крестовникова, в отдельных случаях, особенно по неосторожным преступлениям, кроме деятельности указанных трех категорий

субъектов в определенной обстановке следует выделять в качестве дополнительного элемента технологический механизм взаимодействия отдельных элементов обстановки (процессы, явления объективной действительности, связанные с событием преступления, преступной деятельностью или ее результатом). Необходимость изучения последнего также обусловлена следственной практикой возбуждения и расследования уголовных дел при наличии по сути единственного признака преступления – наступления тяжких последствий при авиакатастрофах, взрывах, пожарах и дорожно-транспортных происшествиях, повлекших гибель людей.

Естественно, что для полноценного изучения механизма преступления следует детально изучать все три указанных субъектных блока, а также обстановку на месте преступления в целях определения естественно-технических причин процессов и явлений объективной действительности, связанных с событием преступления либо наступлением его последствий, имеющих уголовно-правовое значение.

Дополнительно, учитывая позицию Р.С. Белкина, при описании указанных элементов необходимо выявлять и отражать корреляционные связи и зависимости между ними.

4. На втором уровне используемый М.К. Каминским и А.Ф. Лубиным фазовый подход при изучении преступной деятельности модернизирует традиционное криминалистическое понятие «способ совершения преступления». В свою очередь, он требует расширенного применения при исследовании делящихся и продолжаемых преступлений, а также интегрирования в соответствующий уровень (структуру) преступной деятельности.

5. На третьем уровне разработки механизма преступлений можно использовать следующие виды уровней преступной деятельности:

1) однородные – совершаемые типичным способом (например, серия уличных грабежей);

2) трансформируемые, как правило, по возрастанию степени тяжести преступления: совершению убийства группой лиц организованной группой может предшествовать (в обратной последовательности) серия разбойных нападений группой лиц по предварительному сговору, серия грабежей группой лиц с применением насилия, а первоначально без него, серия одиночных грабежей, серия либо единичный факт нанесения побоев из хулиганских побуждений;

3) объединенные – общим умыслом на достижение глобального преступного результата (например, в рамках исследованной нами электоральной преступной деятельности);

4) взаимосвязанные – различные действия в рамках воспроизводства преступной деятельности более высокого типа, например, рассмотренная нами порносексуальная преступная деятельность;

5) возникающие – вследствие указанной нами «цепной реакции» (например, распространение экстремистских материалов, ранее изготовленных одним лицом, новым субъектом).

Предложенная классификация уровней преступной деятельности свидетельствует о том, что дополнительной задачей расследования большинства умышленных преступлений является выявление предшествующих или последующих

однородных, трансформируемых, объединенных, взаимосвязанных или вновь возникающих преступлений. Полагаем, что ее решение позволит как сократить остаток нераскрытых преступлений, так и снизить латентность преступлений.

Четвертый уровень разработки механизма преступления – информационный – исследован многими учеными-криминалистами, в том числе и профессором Р.С. Белкиным, в рамках второго традиционного элемента предмета криминалистики и не требует пояснения в данной работе.

Представляется, что сделанные нами выводы требуют дополнительного научного обсуждения и терминологической корректировки.

Смеем надеется, что проанализированная нами научная дискуссия и ее результаты позволят почтить светлую память выдающегося советского и российского криминалиста – заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора Рафаила Самуиловича Белкина в год 95-летия со дня его рождения. Рассчитываем на то, что высказанные нами предложения будут способствовать дальнейшему развитию его научных взглядов и теоретических основ рассмотренных криминалистических категорий.

Пристатейный библиографический список

1. Анисимов Е.Б. О криминалистической характеристике руководителя преступной организации // Известия Алтайского государственного ун-та. 2009. № 2. С. 77–81.
2. Антонов О.Ю. Выявление дополнительных преступлений, совершенных на сексуальной почве с использованием сети Интернет // Раскрытие и расследование преступлений серийных и прошлых лет: материалы Международной науч.-практ. конференции (Москва, 16 марта 2017 г.) / под общ. ред. А.И. Бастрыкина. М.: Московская академия СК России, 2017. С. 53–56.
3. Антонов О.Ю. К вопросу о понятиях механизма и криминалистической характеристики (модели) преступлений и преступной деятельности // Вестник Удмуртского ун-та. Серия «Экономика и право». 2011. № 2-2. С. 111–118.
4. Антонов О.Ю. Криминалистическая модель преступной деятельности, связанной с изготовлением и оборотом порнографических материалов с использованием информационно-телекоммуникационных сетей // Вестник Удмуртского ун-та. Серия «Экономика и право». Т. 27. 2017. № 1. С. 73–79.

5. Антонов О.Ю. Криминалистическая модель экстремистской преступной деятельности в сети Интернет и ее использование в борьбе с экстремизмом // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2016. № 6. С. 195–202.
6. Антонов О.Ю. Теория и практика выявления и расследования электоральных преступлений: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2008.
7. Ануфриева Е.А. К вопросу о криминалистической характеристике личности коррумпированного сотрудника ОВД // Гуманитарные науки и образование в Сибири. 2014. № 6 (18). С. 249–254.
8. Арсентьева С.С. Дискуссионные вопросы научной и практической значимости криминалистической характеристики преступлений // Вестник Челябинского государственного ун-та. Серия «Право». Т. 9. 2005. № 1. С. 144–149.
9. Баев О.Я. Методические основы расследования преступлений. Ч. 1. Механизм следообразования как структурирующее начало методики расследования преступлений // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2016. № 2. С. 349–363.
10. Белкин Р.С. История отечественной криминалистики. М., 1999.
11. Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 1. Общая теория криминалистики. М.: Юристъ, 1997.
12. Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 3. Криминалистические средства. Приемы и рекомендации. М.: Юристъ, 1997.
13. Белкин Р.С. Понятие, ставшее «криминалистическим пережитком» // Российское законодательство и юридические науки в современных условиях: состояние, проблемы, перспективы. Тула, 2000. С. 11–12.
14. Бессонов А.А. К вопросу о структуре и природе криминалистической характеристики преступлений // Вестник Поволжского ин-та управления. 2014. № 4 (43). С. 52–57.
15. Бессонов А.А. Концепция частной теории криминалистической характеристики преступлений // Российский следователь. 2017. № 9. С. 3–7.
16. Бессонов А.А. Криминалистическая характеристика – информационная основа формирования частных криминалистических методик // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2015. № 2. С. 238–243.
17. Бессонов А.А. Познание преступления в рамках теории криминалистической характеристики преступлений // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2016. № 1. С. 155–161.
18. Бусел С.А. К вопросу о сущности и содержании криминалистической характеристики преступления // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского ун-та МВД России. 2011. № 4. С. 75–79.
19. Вещественные доказательства. Информационные технологии доказывания / под ред. В.Я. Колдина. М., 2002.
20. Гайбярян О.М. История развития и современное состояние учения о криминалистической характеристике преступлений // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики: сборник трудов участников XIII Всероссийской науч.-практ. конференции. 2016. С. 24–35.
21. Дубровин С.В. Расследование ДТП: курс лекций для слушателей ЮИ МВД России. Вып. 8. М.: ЮИ МВД России, 1997.
22. Егорышева Е.А. Дискуссионные проблемы криминалистической характеристики преступлений // Вестник ВЭГУ. 2006. № 1. С. 141–146.
23. Ищенко В.П., Образцов В.А. Криминалистика: учебник. М.: Эксмо, 2005.
24. Ищенко Е.П., Колдин В.Я. Типовая информационная модель преступления как основа методики расследования // Известия высших учебных заведений. Серия «Правоведение». 2006. № 6. С. 128–144.
25. Ищенко Е.П., Колдин В.Я., Крестовников О.А. Актуальные проблемы системных исследований в криминалистике // Lex Russica. Т. LXV. 2006. № 6. С. 1161–1177.
26. Каминский М.К., Горшенина Т.В. Методологическая парадигма современной криминалистики // Вестник Удмуртского ун-та. 1997. № 1. С. 67–77.
27. Кирюшина Л.Ю. Особенности криминалистической характеристики личности несовершеннолетних, подозреваемых в незаконном обороте наркотических средств // Сборник материалов криминалистических чтений. 2013. № 9. С. 51–53.
28. Князьков А.С. О критериях значимости криминалистической характеристики преступлений // Вестник Томского государственного ун-та. 2007. № 304. С. 122–128.

29. Коновалов С.И., Бондаренко Ю.А. Соотношение криминалистической характеристики и механизма преступления по делам о преступных нарушениях требований пожарной безопасности // Теория и практика общественного развития. 2011. № 8. С. 210–214.
30. Костычева Л.М. К вопросу о криминалистической характеристике личности преступника, умышленно причинившего тяжкий вред здоровью // Актуальные проблемы уголовного права и процесса, уголовно-исполнительного права и криминалистики: материалы науч.-практ. конференции. Средне-Волжский ин-т (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России). 2015. С. 72–76.
31. Криминалистика: учебник / Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов, Е.Р. Россинская. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма-Инфра-М, 2013.
32. Кустов А.М. Криминалистика и механизм преступления: цикл лекций. М.: Изд-во МПСИ; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2002.
33. Кустов А.М. Криминалистическое учение о механизме преступления: дис. ... докт. юрид. наук. М., 1997.
34. Кустов А.М. Механизмы преступлений, совершенных на почве национальной, расовой или религиозной вражды // Вестник криминалистики. 2006. Вып. 4 (20). С. 57–60.
35. Кустов А.М. Современный подход к понятию «механизм преступления» // КриминалистЪ. 2010. № 1 (6). С. 72–77.
36. Кустов А.М. Типичная модель механизма преступлений коррупционной направленности // Расследование преступлений: проблемы и пути решения. 2016. № 1 (11). С. 176–180.
37. Лубин А.Ф. Механизм преступной деятельности как междисциплинарная научная категория // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. Серия «Право». 2001. № 2. С. 169–176.
38. Лубин А.Ф. Основные концептуальные положения кафедры криминалистики Нижегородской академии МВД России: научный аспект // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы методологии и практики расследования экономических и иных преступлений: материалы межрегиональной науч.-практ. интернет-конференции / под ред. проф. А.Ф. Лубина. Н.Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2008. С. 15–25.
39. Лубин А.Ф., Губанищев В.В. Общая модель механизма преступной деятельности в сфере экономики: условия формирования // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2009. № 1. С. 82–88.
40. Малыхина Н.И. Актуальные проблемы криминалистической характеристики преступления // Научная школа уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета и современная юридическая наука: сб. статей по материалам Международной науч.-практ. конференции. 2016. С. 276–287.
41. Новиков Е.Ф., Ярзуткина В.А. К вопросу о криминалистической характеристике преступлений // Актуальные проблемы государственно-правового строительства в России: материалы региональной науч.-практ. конференции. 2015. С. 74–79.
42. Павликов С.Г. К вопросу о значении теории криминалистической характеристики преступлений // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2012. № 3. С. 116–119.
43. Rogozin V.Yu. Изменения в криминалистических характеристиках преступников в сфере высоких технологий // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2015. № 1 (7). С. 56–58.
44. Самойлов А.В. Место механизма совершения преступлений в системе научных категорий криминалистики // Провинциальные научные записки. 2016. № 1. С. 157–161.
45. Самойлов А.В. Механизм совершения преступлений и криминалистическая характеристика преступлений: соотношение понятий // Провинциальные научные записки. 2015. № 2. С. 28–32.
46. Седнев В.В. Модели в криминалистике: типология и познавательная ценность // Развитие российского права: новые контексты и поиски решения проблем. III Московский юридический форум. Ч Международная научно-практическая конференция Кутафинские чтения): материалы конференции. В 4 ч. Ч. 3. М.: Проспект, 2016. С. 472–476.
47. Сергеев А.Б. Криминалистическая характеристика рейдерства: теоретический аспект проблемы // Правопорядок: история, теория, практика. 2013. Т. 1 (1). С. 47–49.
48. Толстолицкий В.Ю., Казарян К.С. Использование компьютерной программы «ФОРВЕР» в процессе взаимодействия следователя и сотрудника органа, осуществляющего оператив-

- но-розыскную деятельность // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2010. № 2. С. 242–246.
49. Фесик П.Ю. Технология использования криминалистической характеристики в расследовании убийств: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н.Новгород, 2011.
50. Филиппов А.Г. Заметки на полях (о статьях Г.К. Захарова и С.Н. Чурилова) // Вестник криминалистики. 2006. № 3. С. 53–57.
51. Чурилов С.Н. Криминалистическая характеристика механизмов преступлений как источник информационного обеспечения общего метода расследования преступлений // Актуальные проблемы уголовного и уголовно-процессуального права: современное состояние и перспективы развития. Научные труды. М., 2014. С. 277–315.
52. Чурилов С.Н. Криминалистические характеристики как научно-эмпирическая основа частных методик расследования // Известия Тульского государственного ун-та. Серия «Экономические и юридические науки». 2016. № 2-2. С. 60–66.
53. Шабанов В.Б., Ермолович В.Ф. Соотношение криминалистической характеристики преступлений со следственными ситуациями, предметом доказывания, версиями и задачами расследования преступлений // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского ун-та МВД России. 2012. № 1. С. 79–84.
54. Шишмарева М.В. К вопросу о криминалистической характеристике преступлений, связанных с безопасностью движения // Вестник Восточно-Сибирского ин-та МВД России. 2010. № 3 (54). С. 20–29.
55. Юсупкадиева С.Н. Содержание и структура криминалистической характеристики преступлений // Вестник Дагестанского государственного ун-та. 2008. Вып. 2. С. 137–142.
56. Яблоков Н.П. Криминалистика: учебник. 2-е изд., перераб и доп. М.: Норма, 2012.
57. Ямашкин А.С. Методика расследования побегов из мест лишения свободы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2010.

**Издательство «Юрлитинформ»
предлагает вниманию читателей новые книги**

- **Боровских Р.Н.**
Криминалистическая характеристика и принципы методики расследования преступлений в сфере страхования
- **Гармаев Ю.П., Степаненко Д.А., Степаненко Р.А.**
Расследование коррупционного посредничества
- **Корнакова С.В., Гайков Д.Г.**
Насильственные сексуальные преступления, совершенные несовершеннолетними в отношении несовершеннолетних: особенности первоначального этапа расследования
- **Ломшин А.М.**
Методика расследования преступлений, создающих препятствия малому и среднему бизнесу

Заявки на приобретение изданной литературы направляйте по адресу:

**119019, г. Москва, ул. Волхонка, д. 6
ООО Издательство «Юрлитинформ»
тел. (495) 697-77-45, тел./факс (495) 697-16-13
E-mail: zakaz@urlit.ru**

Keywords: fraud; penitentiary crimes; convict; correctional colony; mobile communication devices; forensic characterization.

АНТОНОВ ОЛЕГ ЮРЬЕВИЧ – доктор юридических наук, доцент, декан факультета магистерской подготовки юридического института Московской академии СК России.

E-mail: antonov@udm.ru

Криминалистическая характеристика преступлений и механизм преступлений: творческое наследие Р.С. Белкина и современное представление.

Forensic characterization of crimes and mechanism of crimes: creative heritage of R.S. Belkin and the current concept.

OLEG YU. ANTONOV – Doctor of Laws, Associate Professor, Dean of the Master's Training Faculty of the Law Institute at Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

The article makes a comparative analysis of the use of the concepts of «mechanism of crime (criminal activity)» and «forensic characterization of crimes» in the forensic science, with account taken of the opinion of Professor R.S. Belkin. The author suggests to use the category «typical mechanism of crimes of a certain (individual) type», including «the typical mechanism of crimes of a certain (individual) type» instead of the term «forensic characterization of crimes». The necessity is substantiated for studying this category systematically at four levels of its development. Within the structure of a typical mechanism of crimes, homogeneous, transformable, combined, interrelated or newly emerging crimes are identified, whose identification is an additional task of investigation of the majority of willful crimes.

Keywords: mechanism of crime; forensic characterization of crimes; Professor R.S. Belkin.

АРСЛАНОВА АЛЬБИНА РИНАТОВНА – заместитель начальника следственного отдела Отдела полиции № 1 Управления МВД России по городу Уфе.

E-mail: Alya.arslanova@inbox.ru

Тактические особенности производства различных видов осмотра как невербального процессуального действия при проверке сообщения о преступлении.

Tactical features of various types of search as a non-verbal procedural step in checking a crime report.

ALBINA R. ARSLANOVA – Deputy Head of the Investigative Department at Police Office № 1 of the MIA of Russia in Ufa.

The article considers problems of using tactical techniques within the framework of procedural actions of non-verbal character prior to institution of a criminal case. The author proposes to use the situational approach when performing non-verbal procedural actions in respect of selection, implementation and combination of tactical techniques, based on solution of the tactical tasks set.

Keywords: tactical techniques; procedural actions prior to institution of a criminal case; pre-investigation check.